

«ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПОЛТАВЕ»

Предисловие и публикация В. С. Оголевца

Лидия Александровна *Женжурист* (рожд. Макова, 1870—1942) родилась в Москве, в семье революционеров-народников. Годы юности она провела в г. Ялutorовске, Тобольской губернии, куда были сосланы ее родители ¹. Приехав из Сибири в Казань, она познакомилась со студентом-медиком И. М. Женжуристом ² и в 1887 г. стала его женой. Перед самым окончанием курса «неблагонадежный» студент был по приказу Делянова исключен из университета и срочно выслан из Казани. Поэтому венчаться им пришлось в Нижнем Новгороде, где их радушно встретили семья В. Г. Короленко и ее друзья ³. Вскоре И. М. Женжурист уехал с женой во Францию, чтобы закончить медицинское образование в Сорбонне. По возвращении в Россию с дипломом врача он не был допущен к полагавшимся по закону повторным экзаменам и остался без права на врачебную практику. Тогда он решил стать податным инспектором — должность эта привлекала его возможностью общения с крестьянами и ведения в их среде пропаганды. План этот был осуществлен, он получил назначение в Полтаву.

К концу 1880-х — началу 1890-х годов в Полтаве, главным образом среди сотрудников Губернской земской управы, собралась довольно большая группа радикальной интеллигенции, участников революционного движения 1870-х годов, бывших политических ссыльных. Женжуристы встретили здесь старых друзей по прежней революционной работе ⁴, в том числе Ю. А. Бунина, который стал частым гостем в их доме.

Его неопубликованные воспоминания ⁵ об этом времени содержат немало сведений о жизни и интересах полтавского кружка 1890-х годов, дополняющих то, о чем рассказывает Л. А. Женжурист. Характеризуя первые годы своей жизни в Полтаве (Ю. А. Бунин был приглашен на работу в Полтавское статистическое бюро весной 1890 г.), он отмечает, что тогда «в Полтаве не было почти никаких общественных организаций», где можно было бы проявить свою энергию. «В свободное от занятий время мы часто бывали друг у друга, периодически собирались в некоторых домах, мечтали о возрождении радикального движения, строили даже планы этого возрождения, читали идейные книги и журналы, но в первые годы моего пребывания в Полтаве никаких практических шагов в этом направлении мы не предпринимали. У нас, однако, вовсе не было унылости и пессимизма, и мы глубоко верили, что скоро вновь начнется освободительное движение, когда пригодятся и наши силы».

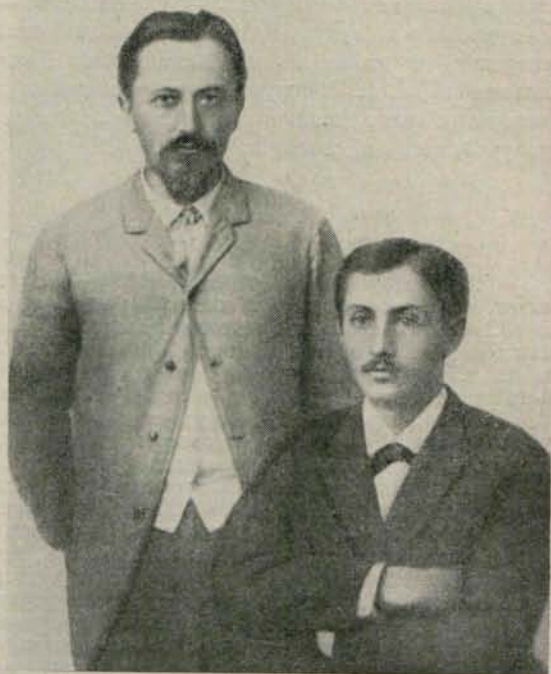
В такой обстановке заметным событием в общественной жизни Полтавы оказалось появление в 1891 г. группы толстовцев, пытавшихся воплотить в своем быту идеи Толстого. Ю. А. Бунин уделяет им немало внимания в своих воспоминаниях, и его оценки и характеристики «лидеров» толстовской группы во многом совпадают с тем, что сообщает о них Женжурист.

К 1893—1894 гг. в Полтаве уже явственно обозначилось начало нового общественного подъема. Интерес к толстовцам в это время угас, в центре внимания полтавских радикалов оказались новые течения общественной мысли, споры между марксистами и народниками. Ю. А. Бунин вспоминает об этом переломном времени: «Наш земский кружок все более и более спланивался и расширялся. Для более тесного общения друг с другом мы устраивали систематические еженедельные собрания по субботам в квартирах то одного, то другого из наших товарищей. На этих собраниях, которые мы называли „интеллигентским клубом“, бывало обыкновенно человек 50—60 — приблизительно в одном и том же составе. В клубе читались рефераты на разные литературные и общественные темы — с очень оживленными и горячими дебатами {...} На одном из собраний читал, между прочим, свой рассказ „На даче“ мой брат Иван Алексеевич.

БУНИН С БРАТОМ
ЮЛИЕМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ

Фотография. Полтава, 1891

Музей И. С. Тургенева, Орел

В числе других персонажей этого рассказа были выведены полтавские толстовцы. После чтения обыкновенно бывала музыка и пение, и вечера заканчивались веселыми товарищескими ужинами».

Для Бунина, поселившегося в Полтаве в августе 1892 г. и покинувшего ее в январе 1895 г., прожитое там время было значительным этапом. Здесь он пережил увлечение толстовством, здесь прошли последние годы его трудного романа с В. В. Пашенко; во время поездок по городам и селам Полтавщины и по другим местам Украины он ближе узнал жизнь украинского народа, его историческое прошлое, его песенное творчество. Значительно вырос он за это время и как писатель — его произведения стали печататься в лучших столичных журналах, его талант был замечен видными литературными критиками. Во всем этом немаловажную роль сыграла общая атмосфера, которая царил в полтавском кружке, куда ввел младшего брата Ю. А. Бунин. Постоянное дружеское общение членов этого кружка, горячие споры, сочетание серьезных общественных интересов с молодым весельем, непринужденные товарищеские вечера с песнями, с прогулками по окрестностям Полтавы, — все это не могло не увлекать Бунина, хотя он и оставался, по-видимому, в стороне от идейно-политических интересов, которыми жил весь кружок в целом ⁶.

Публикуемые воспоминания не дают широкого и всестороннего освещения полтавского периода в жизни Бунина. Но и то, что сохранила память мемуаристки, имеет право на внимание биографов писателя.

Л. А. Женжурист писала свои воспоминания в пожилом возрасте. Пишущий эти строки встречался с нею не только в пору своего детства в Полтаве. Особенно часто нам приходилось видаться в предреволюционные годы в Петербурге, где я учился в университете, и после 1935 г., когда она, оставшись одинокой после смерти второго мужа, жила в Москве в семье своих родственников Лебединских ⁷. В беседах со мною она часто обращалась к воспоминаниям о далеком прошлом. Но к писанию мемуаров она приступила, по-видимому, несколько позднее, в предвоенные годы ⁸.

Последние полтора года своей жизни Л. А. Женжурист провела в доме престарелых в Казани (по другим сведениям — в Елабуге), где и умерла. Рукопись ее воспо-

минаний, которую она, конечно, увезла из Москвы с собою, не сохранилась. Машинописную копию их она передала — еще в Москве — Г. А. Шенгели, который пользовался ее дружбой и доверием. По этой копии, любезно предоставленной «Литературному наследству» его вдовой Ниной Николаевной Шенгели, и публикуются отрывки из воспоминаний Л. А. Женжурист, относящиеся к жизни в Полтаве⁹. Мелкие ошибки, встречающиеся в машинописи, в том числе в именах некоторых из упоминаемых лиц, исправляются без оговорок.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Александр Иванович *Маков* (1839 — после 1900) окончил Харьковский университет, затем поселился в Москве, принимал участие в революционной деятельности. В 1879 г. был арестован и выслан сначала в Самару, а затем в Ялуторовск, пробыл там до 1887 г. Его жена Надежда Ивановна (1846 — около 1887) была сослана туда же в 1882 г., умерла в Сибири (см. о них в биографическом словаре: «Деятели революционного движения в России», 70-е годы, т. II, вып. 3, стлб. 848—849).

² Иван Миронович *Женжурист* (1863—1920) до Казани учился в Харьковском университете. В полицейских донесениях 1882 г. он назван «личностью вполне неблагонадежно в политическом отношении» (ЦГАОР, ф. 202, д. 115/69/1327, 1881/82 г., л. 27).

³ Л. А. Женжурист рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Не могу обойти молчанием и Нижнего Новгорода, куда мы переехали сейчас же по исключении мужа, так как в течение 24 часов он должен был выехать из Казани. Там мы встретили теплый прием со стороны Владимира Галактионовича, Авдотьи Семеновны Короленко и Сергея Яковлевича Елпатьевского, знавших меня с детства. <...> Вслед за нами приехал из Казани и милый, всепрощающий, кроткий, переживший личные невзгоды (а их много было у него) Николай Елпидифорович Петропавловский (С. Каронин). И здесь все они заменили мне старших — отца и мать, которые были еще в ссылке, и повели меня к венцу. Владимир Галактионович в качестве посаженного отца, а Ангел Иванович Богданович (он был другом моего мужа) и его неразлучный товарищ, умница-публицист А. А. Дробыш-Дробышевский — шаферами».

⁴ Давние дружеские отношения связывали И. М. Женжуриста с моим отцом Степаном Яковлевичем Оголевым (1857—1937), который также служил в это время податным инспектором в Полтаве (см. о нем статью: О. С. В и к т о р о в. Семидесятник С. Я. Оголевец. — «Вопросы истории», 1968, № 1). Женжуристы навещали нашу семью — нередко вместе с ними к нам приходил и Ю. А. Бунин, а когда в Полтаву приехал его младший брат, то и он вошел в круг близких знакомых моих родителей.

⁵ Ю. А. Б у н и н. Из жизни провинции в 90-х годах. — ГБЛ, ф. 218.765.1.

⁶ Существенным для Бунина в эти годы было его сотрудничество в «Полтавских губернских ведомостях». После разрыва с «Орловским вестником» он стал систематически печататься именно в этой газете. В воспоминаниях Ю. А. Бунина освещен и этот любопытный эпизод: «Для того, чтобы оказывать более планомерное и систематическое влияние на общественное мнение, представители полтавской интеллигенции стремились завести свой орган печати. Стремление это осуществилось в конце 1894 г. в очень оригинальной форме. В наших руках оказалась неофициальная часть „Полтавских губернских ведомостей“, редактором которых состоял секретарь губернского статистического комитета Д. А. Иваненко. С согласия губернатора, газета была передана в распоряжение нашей группы, организовавшей особый редакционный комитет, в состав которого вошли: Н. Г. Кулябко-Корецкий, Е. В. Святловский, С. П. Балабуха, Л. В. Падалка, П. М. Дубровский, секретарь губернской управы А. Н. Лисовский, его супруга К. К., мой брат Иван Алексеевич и я. <...> „Полтавские губернские ведомости“ велись нами в очень прогрессивном направлении, поскольку это было возможно в то время, когда цензурные условия вообще были очень тягостны. Однако на нашу газету было в скором времени обращено внимание — между прочим, о ней злобно писали „Московские ведомости“, а наша полемика с „Южным краем“ по вопросу о национализации земли <...> повела к тому, что мы принуждены были расстаться с „Полтавскими ведомостями“, в которых работали около года» (ГБЛ, ф. 218.765.1).

⁷ Вячеслав Васильевич *Лебединский* (1888—1955), химик, член-корреспондент АН СССР, был женат на племяннице Л. А. Женжурист Надежде Павловне Анненковой.

⁸ Другая ее племянница, З. П. Анненкова, сообщила, что Л. А. работала над воспоминаниями втайне от родственников, но по некоторым данным это происходило за год до начала войны 1941—1945 гг. (Письмо В. С. Оголевцу 29 декабря 1967 г.)

⁹ Л. А. Женжурист начинает свои воспоминания с 1876 г., когда ей было шесть лет. Она рассказывает о многих деятелях революционного движения, близких ее семье, в том числе о В. Н. Фигнер, Н. А. Морозове, Г. А. Лопатине, много внимания уделяет своим родителям, их жизни в Москве и в Сибири, воскрешает картину жизни политических ссыльных в Ялуторовске.

В Губернской земской управе муж встретился с Юлием Алексеевичем Буниным, с которым еще во времена студенчества поддерживал связь по нелегальной деятельности, и сейчас же привел его к нам. Меня Юлий Алексеевич знал девочкой, когда студентом бывал у моих родителей. В Полтаве он заведовал статистическим бюро при губернском земстве.

Земская статистика в Полтавской и Воронежской губерниях стояла тогда на высоте, в полной мере отвечая своему назначению — и по широте постановки дела и по подбору идейных работников, отдававших свой труд не за страх, а за совесть. Юлий Алексеевич, став во главе статистического бюро по кончине Терешкевича¹, до фанатизма отдававшегося этой деятельности, — «не потревожил памяти» своего предшественника, как выразилась жена покойного, страстная поборница мужа, — оказался достойным его заместителем, хотя и не ставил земской статистики краеугольным камнем своего жизненного пути. Он лишь признавал за нею право на первое место в выявлении всех нужд деревни — как бы фотографируя полную картину ее жизни со всеми мельчайшими деталями путем добываемых на месте неоспоримых цифровых данных.

Вслед за Юлием Алексеевичем появились у нас товарищи его — статистики, люди интересные, идейные (как упомянула выше), с политическим прошлым, находившие себе приют только в таких прогрессивных учреждениях, как земская статистика. Все они были одинокие, и потому почти сейчас же образовалась у нас одна общая семья. Нам с мужем, с непривычки, впервые, казалось очень сиротливо на самостоятельном хозяйстве. Один из вновь обретенных нами друзей вскоре и вовсе перебрался к нам — была свободная комната, а он жил далеко. Юлий Алексеевич имел хорошую комнату около нас и оставил ее за собою на всякий случай — для общей надобности, домой же редко уходил даже на ночь.

С занятий, к обеду, все сходились у нас, хозяйничали по очереди, по-недельно, т. е. ежедневно подсчитывали с кухаркой расход за весь день и затем, к концу недели, раскладывали на всех поровну. После обеда отдыхали, болтали, шутили, читали, а затем каждый принимался за свою работу, захваченную из бюро на дом. И я была втянута в эту работу. Юлий Алексеевич как заведующий бюро занимался общей сводкой представлявшихся ему по губернии статистических данных, я же — по живым, говорящим цифрам — писала ему объяснительный текст и так увлекалась этой интересней и первой для меня работой, что, бывало, не оторвусь.

Был у нас и час шахмат, были и серьезные игроки. Я лично не принадлежала к ним, хотя отец, страстный любитель, будучи в ссылке, и старался сделать из меня терпимого партнера для себя. Но в возрасте подростка мне трудно было долго и сосредоточенно обдумывать ходы, — живее казалась игра на бильярде, которой также обучил меня отец в Сибири. Все же и я на этот раз, т. е. в Полтаве, увлекшись шахматами, случалось, давала мат, ставя в тупик своими легкомысленными, неожиданными ходами «гроссмейстеров».

Жили дружно, тесно сблизившись между собою; ко мне же относились необыкновенно трогательно, заботливо — как к общему детищу<...>

Юлий Алексеевич помогал мне разбираться во всех противоречиях, которые ставила мне жизнь по мере знакомства с ней; помогал изживать разлад между тем, что так легко, так естественно в теории и так не укладывается в живую жизнь. И эту трогательную, нежную привязанность он делил между мною и своим младшим братом, моим сверстником — Ванечкой, тогда еще только начинавшим, но уже много обещавшим поэтом.

Обладая глубоким умом, всесторонним образованием, развитием, Юлий Алексеевич внес, со своей стороны, немалую долю в развитие таланта брата, расширяя его кругозор, углубляя наблюдательность и руководя

его духовным развитием. По себе знаю, как много он давал в этом направлении. <...>

Почему-то наше дружеское сожительство постепенно стало приобретать все большую и большую известность — сначала в Полтаве, а затем и далеко за пределами ее. Первыми ласточками явились толстовцы — у них была небольшая община под городом, возглавлявшаяся Файнерманом (если не забыла фамилию) ². Люди хорошие, симпатичные, но, конечно, несколько односторонние, — одни от природы, другие — с искусственно суженным кругозором.

Помню двух братьев Алехиных — оба бывшие террористы ³. Крупные землевладельцы, они почти все свои средства отдавали на революционную борьбу. Когда же стали толстовцами, поделили землю между крестьянами, оставив необходимый участок для интеллигентной колонии.

Один из них бывал у нас очень часто, и мне страшно хотелось услышать от него лично, что послужило толчком к такому резкому душевному перелому — вплоть до признания и ощущения в себе высшего существа...

И он поведал мне все пережитое им на грани перехода от террориста к непротивленцу: когда ему выпал жребий совершить террористический акт, он, простояв двое суток на своем посту, выслеживая обреченную жертву, пережил мучительный душевный разлад «пред необходимостью убить человека, не будучи в силах задуть курчонка». Обессилен в этой внутренней борьбе и все же не желая стать дезертиром, он выстрелил наугад в окно второго этажа, увидев в нем давножданную фигуру. Кажется, это было одно из неудавшихся покушений на Победоносцева ⁴, олицетворения зла природы. Он был неуловим.

Я слушала и не могла оторвать глаз от говорившего. Хотя не было никаких сомнений в безусловной искренности его, все же дух его не был укрощен, — предо мною стоял энергичный, страстный агитатор — борец! — таким огнем дышала вся его фигура, его глаза, его голос.

Как-то во время послеобеденного отдыха появилась у нас довольно странная, оригинальная фигура — высокая, худая, лицо угловатое, взгляд неприятно-острый; костюм путешествующего пешком — сверх пиджака перекинутый на одно плечо плед, на голове зеленая фетровая шляпа, в руках огромная сучковатая палка. Сказал всем «добрый день» и уселся, не называя себя.

От неожиданности и от странного вида посетителя мы все прямо-таки опешили и молча смотрели на него. Вследствие создавшейся напряженности стоило невероятного труда не расхохотаться, когда мы обменялись между собою взглядами.

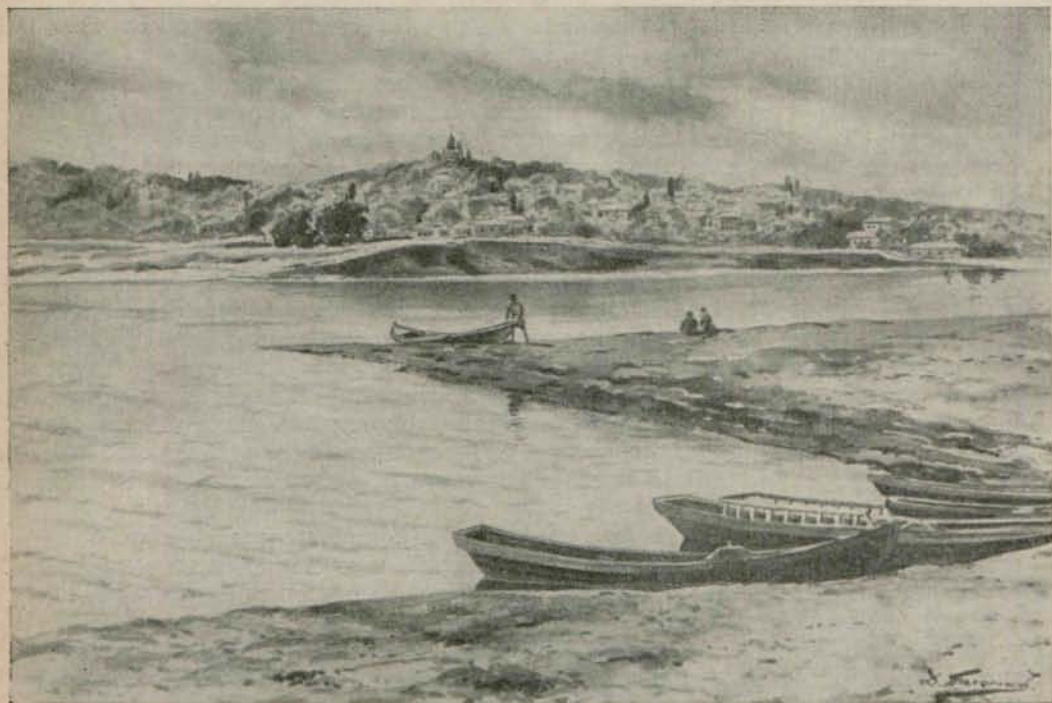
Это оказался известный Клопский ⁵, выведенный Н. Е. Петропавловским-Карониным в его произведении «Учитель жизни» ⁶.

Просидел он у нас до поздней ночи (от занятий пришлось отказаться), молча прислушивался к нашим беседам, лишь изредка вставляя вопросы, странно не понимая вполне понятное, извращая смысл сказанного, беря то или иное слово, имеющее разные значения, непременно в обратном тому, какое уместно в данном случае. Когда же выражали удивление по этому поводу, он заявлял: «надо употреблять такие слова, которые не могут быть истолкованы неправильно — кто ясно говорит, тот ясно мыслит».

Когда же стали расходиться, он попросил разрешения переночевать, так как устал с дороги, а к толстовцам, где он решил остановиться, далеко — за город.

Живший с нами Иван Васильевич Орлов ⁷ любезно предложил ему свою кровать, сам же устроился в общей комнате.

На другой день Клопский ушел к толстовцам, но к вечеру вернулся к нам, заявив, что у нас уютнее и к тому же ему необходимо побыть некоторое время в городе, чтобы кое-кого найти, повидать.

ПОЛТАВА

Рисунок Д. Пахомова (сепия), 1890-е годы

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Он так спокойно, уверенно расположился у нас, что парализовал всякий протест с нашей стороны. Не приходило ему в голову и вернуть предложенную ему на одну ночь постель. И бедный Иван Васильевич, чтобы отвоевать и ее и комнату, укладывался, как только темнело, и поднимался, когда Клопский поневоле устраивался в столовой.

Все в нем — и общий вид, и манера говорить, и упорное желание заставить вести разговор в желательном для него направлении — страшно нервировало всех и вызывало бурные споры, ни к чему, кроме утомления, не приводившие. И когда споры доходили до крайних пределов, он чувствовал себя в своей сфере, потирал от удовольствия руки, как-то странно, неприятно улыбался. Но стоило поймать его на непоследовательности, противоречиях, он вдруг обрывал спор, начинал говорить тихим, вкрадчивым голосом о «законах жизни», о необходимости познать их, чтобы жизнь стала приемлемой для всех. А для того, чтобы познать — необходимо уйти от всего, что окружает человека в городе, принижает его духовное «я», — и войти в общение с чистой природой.

И вот для этого он приехал на юг, где особенно привлекательна природа и где люди более впечатлительны и не так связаны всякими условностями, а потому и легче откликнутся на его зов. <...>

В конце концов, придя к окончательному убеждению, что за игрою слов, — как, например, на требование вида (на жительство) отвечать: «Вот мой вид», — обведя рукою свою фигуру, — за упражнением в диалектике и за желанием быть оригинальным ровно ничего нет, что «законы жизни», к познанию которых он зовет, прежде всего для него самого более чем туманны, все успокоились и перестали замечать его назойливое присутствие.

Только я не могла еще примириться с мыслью, что человек может быть каким-то мыльным пузырем — взлетит на воздух... и нет ничего, одни брызги... Казалось, если это не душевнобольной, не маниак, то должно же быть у него что-то, что оправдывало бы это метание по чужим углам, это жуткое безделье. Если же допустить здесь только искания возможности получать кров и пищу, не прилагая к тому своих рук, то такой способ добывания себе пропитания — тоже не из легких.

Придя, наконец, к такому же выводу, как ранее остальные члены нашего общежития, со всей страстностью юности и, к тому же, крайне нервного человека, я высказала ему всю его пустоту, никчемность, признав за ним лишь один неоспоримый талант — отравлять людям существование.

Такая отповедь, да еще со стороны человека, которого, как он был уверен, вполне подчинил своему влиянию и завербовал в свою «колонию», как мы узнали потом от неожиданных посетителей — взглянуть на «штаб-квартиру» Клопского и на его товарищей по «колонии» во главе со мною, — повторяю, отповедь эта так потрясла его и привела в такую ярость, что не окажись случайно в доме Ивана Васильевича, он, кажется, поколотил бы меня.

Сойдясь в этот день к обеду и узнав, что Клопский никогда уже больше не появится у нас, все вздохнули свободно и особенно сильно почувствовали, как нестерпим был гнет вынужденного общения с ним и какой «подвиг» совершила я. <...>

Задумываясь сейчас над этим эпизодом, я все же, несмотря на упомянутую выше отповедь, изгнавшую от нас Клопского, помнится, никогда не могла освободиться от чувства сострадания к этому человеку, к его до жути одинокой душе, не умевшей, хотя как будто и стремившейся, привязать к себе хоть кого-нибудь.

Хочется еще задержаться на Александре Александровиче Волкенштейне⁸, но уже вне Клопского. Хотя мне и очень часто случалось с ним ссориться и поводов серьезных к тому бывало не мало, тем не менее я всегда питала к нему большую симпатию. Нравились мне в нем, что крайне редко можно встретить среди светских людей, непосредственность, способность всей душой отдаваться каждому новому увлечению, какого бы характера оно ни было, — без тени позы, рисовки.

Когда его первую жену, Людмилу Волкенштейн, после 20-летнего заключения в Шлиссельбургской крепости, перевозили через Одессу на Сахалин, его неудержимо потянуло повидаться с ней, он поспешно выехал в Одессу и... совершенно неожиданно для себя, для своей второй жены, семьи, уехал с ней на Сахалин, где, недавний еще сибарит, отдал себя всего сыльно-поселенцам и каторжанам.

А когда в 1905 году были объявлены так называемые «свободы» и Людмила Волкенштейн (забыла ее отчество) получила право покинуть Сахалин, он сопровождал ее во Владивосток и там, во время огромной демонстрации по поводу ее приезда, идя с ней под руку в первом ряду, в момент общего ликования — принял ее последний вздох... Она была сражена пулей провокатора⁹.

Что далее сталося с Александром Александровичем, вернулся ли он на родину, — не помню. Остался сын их, который, будучи студентом, вместе с отцом сопровождал мать на Сахалин. Жив ли он — не знаю¹⁰.

Как ни хороша была жизнь среди близких людей, среди интересной работы по статистике, по составлению биографий любимых классиков для «Брокгауза и Ефрона», все же порой мне не хватало — ну, хотя бы, качелей, которые висели в саду для детишек нашего домовладельца. Пробовала звать кого-нибудь из своих, — смущались своей солидностью, хотя и на «жертву» готовы были, лишь бы не огорчить меня.

ПРОГРАММА
МУЗЫКАЛЬНОГО ВЕЧЕРА
С УЧАСТИЕМ БУНИНА
Полтава, 10 марта 1896 г.
Музей И. С. Тургенева, Орел

ПРОГРАММА:

1-е Отдѣленіе.

- 1) Хоръ Невольниковъ, муз. Лысенко
исп. мужской хоръ.
- 2) Арія Шакловитого, изъ Хованщины, муз. Мусоргскаго
исп. А. Г. Ляховичъ.
- 3) „Сейчасъ,“ мон-экспромтъ Трофимова
прочт. М. А. Гурвичъ.
- 4) Дуэтъ изъ оп. Різзаниа нѣм., муз. Лысенко
исп. Е. І. Рѣпчапская и А. Г. Ляховичъ.
- 5) а) Фантазія М. Машковскаго
б) Нѣмецкіе танцы Л. Бетховена
исп. Е. А. Зайцева.
- 6) Хоръ Русалокъ, муз. Даргомыжскаго
исп. женскій хоръ

2-е Отдѣленіе.

- 1) „Вогъ войны!“ изъ оп. Жизнь за Царя М. И. Глинки.
исп. хоръ смѣшанныхъ голосовъ.
- 2) а) Концертный этюдъ М. Машковскаго
б) Разсказы у рояля. К. Шервенко
исп. Е. А. Зайцева.
- 3) „На край свѣта“ соч. И. Бунина
прочтеть авторъ.
- 4) Соло, исп. Е. І. Рѣпчапская.
- 5) „Заповѣть,“ слова Шевченко, муз. Глазката
исп. мужской хоръ.

Акомпанировать будетъ М. Д. Онацевичъ.

Начало въ 8 час. вечера.

Печ. разр. 7 Марта 1896 г. Полтав. Позиціонейстеръ Изановъ.
Полтава, Типо-Лит. Старожинскаго.

Но вот однажды вошел к нам милый юноша и внес с собою свежую струю искрящейся молодости... Это и был Иван Бунин ¹¹. Появился он неожиданно не только для нас всех, но и для брата. Едва успел он помыться и переодеться, как я набралась храбрости и позвала его на качели. Предложение это было встречено дружным хохотом, Ванечка же отозвался на него с восторгом.

Так началось мое знакомство и, с того же дня, дружба с крупным талантом, с большим художником.

Еще кончая гимназию в Орле ¹², он горячо полюбил свою сверстницу, тоже кончавшую гимназию, и, не желая расставаться с ней, вместо университета, к великому огорчению брата, остался в Орле — сотрудничать в местной газете, куда его избранница поступила корректором.

На его любовь она ответила взаимностью, и они тут же поженились, но без «венца» — невеста категорически отказалась узаконить союз — «из принципа».

Год спустя она нашла, что ему пора уже позаботиться о своей служебной карьере, и потребовала, чтобы он немедленно отправился к брату, который должен устроить его, и чтоб к ней не возвращался, пока не займет прочного служебного положения.

Когда Юленька рассказал мне, почему бедный мальчик приехал к нам «в изгнание», — как ни была я молода, все же сразу поняла — не опытом, а душой, — что дело не в принципе, а в сухом, холодном расчете: стоит ли закреплять связь? — и это в 20 лет! Послатъ любимого человека, талантливого юношу, делать служебную карьеру вместо того, чтобы настоять на продолжении образования, тем более что она и была причиной отказа от поездки в Москву — в университет.

Горевал, грустил в разлуке, но молодость, живость брали свое... И, бывало, каких только проказ ни проделывали мы с ним над нашими солидными учеными мужами! И больше всего доставалось самому серьезно-му, изучавшему всех философов, увлекавшемуся Шопенгауэром... Его никогда не покидала некоторая наивность, свойственная очень добрым людям... Что ему ни скажи, он всемо готов верить, если это говорится с серьезным выражением лица. Шутку он признавал только с весельем в глазах и с улыбкой на устах. И был он хоть и большим умником, но «тяжелодумом». Промелькнет шутка, острота, все оценят ее веселым смехом, а Иван Васильевич сидит серьезный, сосредоточенный и вдруг зальется звонким, детским смехом, — это до него дошла та шутка, о которой все уже забыли.

За чайным, обеденным столом, на прогулках, катаньях на лодке, — как мазки кисти по холсту талантливой рукой, бросал Ванечка экспромтом шутки, юмористические сценки «с натуры», дружественные шаржи, тонко подмечая мельчайшие слабые черточки и делая их выпуклыми... Так и сверкали блески его творческого остроумия. А поводов к тому было немало, особенно при внезапных вторжениях «любопытных туристов» взглянуть на жизнь в «интеллигентной колонии» (!?).

Он живо воспроизводил и наивных посетителей, и как каждый из них реагировал на эти посещения, и себя, конечно, не обходил.

Однажды я получила письмо, отправленное наугад, без адреса. Рука на конверте знакомая, близкая — друг моей ранней, светлой юности, товарищ по ссылке моих родителей, просил сообщить точный адрес, если разделяю желание повидаться... Живет близко, в Харькове, всего 5 часов езды от Полтавы...

На мой отклик сейчас же приехал и взял слово навестить его мать... Одну не отпускали — «никогда не ездила самостоятельно»... Вызвался проводить Л. Я.¹³, — «к сестре надо навеститься», известной украинской писательнице, собиравшей тогда материалы по истории Украины. Но в качестве провожатого нашли нужным отправить и Ванечку — он был свободен. Должны были с ночным поездом «обязательно» вернуться, т. е., вернее, привезти меня обратно. Но вернулись все врозь, — первым, с ночным поездом и с двумя билетами, Л. Я., затем, со следующим утренним — Ванечка и, наконец, через «целые сутки» была доставлена и я, в ответ на тревожные телеграммы «проводить до разъезда, где ожидают». И я с провожавшим меня близким человеком, и Ванечка, каждый порознь, были в условленное время на вокзале, но, никого не найдя, вернулись обратно, а Л. Я., взяв билеты для себя и меня, ожидал почему-то в вагоне, — по объяснению Ванечки, от него прятался... Он был уверен, что Л. Я. увез меня, почему и полетел чуть свет на другое утро.

И вот в день моего возвращения, к обеду — на десерт Ванечка преподнес мне драматическую поэму «Втроем в Харькове и врозь обратно». Не пощадил он в ней ни Л. Я., привезшего вместо меня второй билет, ни себя, в положении покинутого.

Много смеялись, но мне это приключение в духе Джером Джерома обошлось не дешево.

Тогда же вышел первый томик его стихотворений, посвященный любимой девушке. Получила я этот томик с шутливой и трогательной надписью — «Дорогому Индюшопочку в знак преданности и любви от автора»¹⁴.

В моей хрупкости (выражение его) он находил общее между мною и индюшатами — как их трудно выращивать, так и я — сейчас здорова, весела, а через полчаса температура сорок и лежу, как пласт, дня два... Правда, так же внезапно и кончалось все.

Устроив Ванечку в статистическое бюро, Юлий Алексеевич по его настоянию, отправился в Орел и уговорил Варю — жену Ванечки — переехать в Полтаву и работать вместе.

Жизнь их как будто наладилась, но, спустя некоторое время, она внезапно исчезла, оставив Ванечке трогательную записку, заверяя его в своей любви, но находя в то же время необходимым разойтись¹⁵. <...>

Не ведала, что творила, ища выгодного мужа. Любил Ванечка, конечно, не ту, какой была в действительности его избранница. И вряд ли эта первая юношеская любовь не была и последней... В этом судьба наша была одинакова, — только мне боль была причинена мною же, а не дорогим существом...

Да простит мне тот, о ком вспоминаю всегда, как о милом, талантливом юноше, что я поведала бывшее.

Расстались мы молодыми и грустно было бы встретиться сейчас, когда все осталось позади. Но... все же, хотелось бы.

Борис Николаевич Леонтьев...¹⁶ Прямо из Пажеского корпуса ушел в живую жизнь. Он находил ее для себя там, где этой жизни не хватало, где в ней нуждались.

Навестив под Полтавой кружок толстовцев, он появился у нас как-то вдруг и остался, — должно быть почувствовав, что и здесь, несмотря на яркую, красочную жизнь, он нужен.

Подошел с какой-то братской, проникновенной мягкостью и, без единого слова с моей стороны, разглядев мятущуюся душу и поделился своими наблюдениями с «любимым старцем», как он называл Л. Н. Толстого. В ответ получила я дивное письмо от Льва Николаевича, в котором он тепло, ласково звал меня к себе в Ясную Поляну — «пожить, сколько проживется».

«Будем вместе работать по устройству столовых, вместе читать, гулять, разговаривать, спорить... и я уверен, что среди спокойной природы, в общении со мною и чистым, светлым Борисом Николаевичем, вы вновь обретете себя и свое место в жизни...»¹⁷ «С чистым, светлым»... Находя и давая другим, — для себя, среди житейских противоречий, он не смог найти места и ушел от жизни, оставив друзьям свою покаянную исповедь — «Дни — годы», напечатанную в одной из осенних книжек «Русского богатства» за 1910 или 1911 год — в год кончины Льва Николаевича, помнится...¹⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николай Александрович Терешкевич (? — 1888) заведовал Статистическим бюро Полтавского губернского земства. Его жена Вера Васильевна также работала в статистическом бюро.

² Исаак Борисович Файнерман (1862—1925) в молодые годы стал последователем Толстого, в 1885 г. поселился в деревне Ясная Поляна, занимался крестьянским трудом (см.: «Лит. наследство», т. 69, кн. 2, стр. 113). Переехав в Полтаву, организовал столлярную мастерскую, в которой принимал участие и Бунин, — для него Файнерман был тогда «главным наставником как в „учении“, так и в жизни» (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 54). Впоследствии Файнерман стал журналистом и приобрел известность под псевдонимом Тенеромо.

³ Последователями Толстого были три брата *Алехины*: Аркадий (1854—1918), Митрофан (1856—1935) и Алексей (1859—1934) Васильевичи. Они принадлежали к богатой купеческой семье. С 1889 г. участвовали в создании земледельческих общин, в 1892 г. помогали Толстому в организации помощи голодающим. Сведений об их террористической деятельности не сохранилось.

⁴ Сведений об этом покушении найти не удалось.

⁵ Иван Михайлович Клопский (или Клобский, 1852—1898) — сын дьякона, учился в духовной семинарии, затем в университете (Петербургском, Московском). Выдавал себя то за народовельца, то за толстовца. В 1892 г. был выслан из Полтавы, в середине 1890-х годов эмигрировал в Америку, где вскоре умер. Бунин резко характеризует его в книге «Освобождение Толстого» (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 53—54). Л. А. Жен-

журист в своей оценке совпадает с Буниным, дополняя его рядом новых штрихов. В том же духе пишет о нем и Ю. А. Бунин: «Даже такой человек из их среды, как И. М. Клобский, отличительной чертой которого было стремление огораживать слушателей вечными парадоксами, человек, на мой взгляд, неискренний и по натуре грубый, привлекал к себе всеобщее внимание» (ГБЛ, 218. 765.1). О Клопском упоминает Горький в «Моих университетах» («Горький», т. 13, стр. 575—579).

⁶ Повесть Н. Е. Петропавловского (С. Каронина) «Учитель жизни» была направлена против увлечения идеями толстовства. Впервые была опубликована в журн. «Русская мысль», 1891, № 1—4.

⁷ Иван Васильевич Орлов — один из полтавских статистиков, находился под полицейским надзором.

⁸ Александр Александрович Волкенштейн (1852—1925) — врач, участник революционного движения 1870-х годов на Украине, привлекался по «делу 193-х», но был оправдан. В 1890-х годах — земский врач в Полтаве, последователь Толстого. Бунин упоминает его в книге «Освобождение Толстого» (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 53—56).

⁹ Людмила Александровна Волкенштейн (1857—1906) — член «Народной воли». См. кн.: Л. А. Волкенштейн. Из тюремных воспоминаний. Л., 1925.

¹⁰ После гибели жены А. А. Волкенштейн вернулся в Полтаву, где и прожил до конца жизни, занимаясь врачебной практикой (в частности, он был домашним врачом В. Г. Короленко). Его сын Сергей умер в Полтаве в 1914 г.

¹¹ В первый раз Бунин ненадолго приехал к брату в Полтаву в конце мая 1891 г. — см. его письмо к В. В. Пашенко 1 июля 1891 г. (ИМЛИ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 11). После этого Бунин был в Полтаве в конце июня того же года (см. письмо к Пашенко 28 июня. — Там же). 28 февраля 1892 г. он снова писал ей из Полтавы: «Мы почти все время — да весь день, а я даже ночь, потому что у Юлия спать на полу холодно, — проводим у Женжуристов. Славные они люди и чувствуешь себя у них как дома... даже, что касается меня, то лучше дома...» (там же, ед. хр. 13).

¹² Ошибка: Бунин учился в гимназии в Ельце и гимназического курса не закончил.

¹³ Личность «Л. Я.», как и упомянутого выше «друга юности», установить не удалось.

¹⁴ Книга Бунина «Стихотворения 1887—1891 гг.» (Орел, 1891) вышла в свет в конце года, с посвящением Ю. А. Бунину. Экземпляр, подаренный автором Л. А. Женжурист, не сохранился.

¹⁵ См. об этом: «Материалы», стр. 42 и 47.

¹⁶ Борис Николаевич Леонтьев (1866—1909) — последователь Толстого, член полтавской колонии толстовцев. Осенью 1893 г. был в Ясной Поляне; Толстой писал о нем 20 октября жене: «Он тихий, спокойный и серьезный, мне очень симпатичный человек» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 87, стр. 225; ср. характеристику, которую дал ему Бунин. — Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 54).

¹⁷ Письмо Толстого к Л. А. Женжурист 20 февраля 1893 г. неизвестно (см. «Список писем и деловых бумаг Л. Н. Толстого, текст которых неизвестен». — Полн. собр. соч., т. 90, стр. 92). Воспоминания Л. А. Женжурист впервые освещают обстоятельства, вызвавшие это письмо, и знакомят нас частично с его текстом (возможно, не вполне точно).

¹⁸ Статья Б. Н. Леонтьева под таким названием в «Русском богатстве» за 1909—1911 гг. не обнаружена.